

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛТАВЫ: МЕСТНАЯ АВТОНОМИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ I

В русской и украинской историографии Полтавская битва считается поворотным моментом в истории Украинского гетманата — началом конца, который настанет в 1780-е гг. В свою очередь, история гетманата входит составной частью в более обширный сюжет о становлении централизованного самодержавия в Российской империи, о политике усиления «централизма» или «унификации», издавна привлекающий к себе внимание русских историков. Историки гетманата вслед за ними интерпретируют его судьбу как один из аспектов этого более обширного сюжета¹.

В то время как причиной Полтавской битвы служил не вопрос местной автономии (битва являлась поворотным моментом Северной войны 1700–1721 гг., геополитической борьбы между Швецией и Россией за гегемонию в северной Европе), война, несомненно, оказала сильнейшее влияние на судьбу Украинского гетманата, как и прибалтийских провинций Эстляндии и Ливонии — влияние, которое в обоих случаях было диаметрально противоположным. В Украинском гетманате Северная война привела

¹ Zenon Kohut, *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s — 1830s* (Cambridge, Mass., 1988). В последнее время историки предпочитают говорить не о централизме, а об «унификации»: В. Горобець. Присмерк Гетьманщини : Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998.

к радикальному урезанию автономии. Напротив, в прибалтийских провинциях русская победа в войне повлекла за собой восстановление автономии, утраченной при шведах. Прибалтийская автономия пережила Петра I и просуществовала почти до самого конца Российской империи, за исключением недолгого сокращения при Екатерине II. История местной автономии в Российской империи представляет собой обширную тему, но в этом плане мы можем многое почерпнуть, изучая противоречивую политику Петра I в гетманате и в прибалтийских провинциях. Подход Петра к последним и проводимая им там политика свидетельствуют о том, что он не имел аллергии к местной автономии *per se*; таким образом, задача историка состоит в том, чтобы объяснить различия, исходя из конкретной ситуации в обоих регионах.

В 1708–1710 гг. контраст между ними был резким. В гетманате Петр быстро заменил Ивана Мазепу Иваном Скоропадским — полковником Стародубского полка, причем эта замена была осуществлена посредством выборов. Сами по себе такие выборы не являлись чем-то новым, поскольку сам Мазепа был «выбран» по требованию князя В. В Голицына в 1687 г. Петр пошел еще дальше, приставив русских чиновников присматривать за гетманом и отменив саму гетманскую должность, когда Скоропадский умер в 1722 г., после чего место гетмана заняла Малороссийская коллегия². Тем не менее немногим более года спустя после Полтавы Петр завершил завоевание Эстляндии и Ливонии, подтвердив привилегии их дворянства и городов. Собственно говоря, тем самым он фактически восстановил местную автономию, упраздненную шведской короной в 1694 г. История прибалтийских провинций не слишком сочетается с идеей о неумолимом наступлении централизма и потому просто игнорируется многими русскими историками. История гетманата занимает большое место в монументальной истории России, написанной Сергеем Соловьевым,

² Н. Костомаров. Мазепа и мазепинцы // Собрание сочинений. Т. 16. СПб., 1905. С. 390–391, 641–644; О. Оглоблин. Гетьман Іван Мазепа та його доба: праці історично-філософської секції, Записки наукового товариства імені Шевченка 170. Нью-Йорк, 1960. С. 28–31 (где принижается роль Голицына); О. Гуржій. Гетьман Іван Скоропадський. Київ, 1998. С. 27–38; Т. Таурова-Яковлева. Мазепа. М., 2007. С. 50–54; Paul Bushkovitch, *Peter the Great: the Struggle for Power 1671–1725* (Cambridge, Mass., 2001), 153, 287; П. Бушкович. Петр Великий : Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.

который был убежден в том, что одной из главных тем в русской истории являлось воссоединение восточных славян или русских, согласно его терминологии. Прибалтийские провинции выпадали из этой схемы. Главный советский биограф Петра I, Н. И. Павленко, даже не упоминает о подтверждении прибалтийской автономии, хотя он освещает более известную историю Мазепы, тем самым изображая своего героя Петра централизатором. Современные русские историки, не столь увлеченные темой централизации, тоже умалчивают о прибалтийских провинциях³.

Однако история Мазепы и гетманата при Петре может быть верно понята лишь в контексте процессов, параллельно происходивших в прибалтийских провинциях. Гетманат оказался втянут в войну, предметом которой фактически служила Прибалтика, поскольку Мазепа решил, что Петр проигрывает войну, и изменил ему в самый неподходящий момент. В решении переметнуться на сторону Карла XII, принятом Мазепой под конец 1708 г., не было ничего неизбежного. Мазепа просто неверно оценивал ход войны и полагал, что Петр уже разбит. Кроме того, Мазе-

³ Сергей Соловьев посвящает аннексии прибалтийских провинций всего две страницы, в противоположность чрезвычайно подробно освещению отношений с гетманатом в старой русской историографии: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Т. 8. С. 354–356; ср. с. 345–351, 396–402, 440–444. Хорошо известно, что Соловьев в своем грандиозном труде подает русскую историю сквозь призму укрепления государства, изображаемого им в качестве единого, централизованного и славянского. Н. И. Павленко в своей книге «Петр Великий» (М., 1994) посвящает целую главу Мазепе («Измена Мазепы», с. 261–291) и всего три страницы завоеванию прибалтийских провинций (с. 329–332), умалчивая о подтверждении их привилегий. Современные русские историки тоже игнорируют прибалтийские провинции и Финляндию: в книге «Западные окраины Российской империи» (под ред. М. Долбилова и А. Миллера, М., 2006, с. 13, 31) приводится только ссылка на Эдварда Тадена. Западные историки уделяют большее внимание этому вопросу. Описанию прибалтийских привилегий посвящены две страницы в Lindsey Hughes, *Russia in the Age of Peter the Great* (New Haven, 1998), 42–44. Еще большее место эта тема занимает в Reinhard Wittram, *Peter I, Czar und Kaiser*, vol. 2 (Göttingen, 1964), 79–98, что понятно, так как автор этой работы — выходец из прибалтийских немцев, которым и было адресовано исходившее от Петра подтверждение привилегий. Одной из немногих попыток сопоставить друг с другом оба региона служит Edward Thaden, «Estland, Livland, and the Ukraine: Reflections on Eighteenth Century Regional Autonomy», *Journal of Baltic Studies* 12, no. 4 (1981): 311–17; idem and Marianna Förster Thaden, *Russia's Western Borderlands 1710–1870* (Princeton, N. J., 1984).

па мало чем мог помочь Карлу под Полтавой. Сторонники Мазепы и их союзники-запорожцы не приняли участия в битве, а силы Скоропадского сыграли чисто вспомогательную роль. Даже если бы все украинские казаки вслед за Мазепой встали под знамена Карла XII, их было слишком мало, а их войско было недостаточно современным для того, чтобы спасти маленькую шведскую армию, осаждавшую Полтаву весной 1709 г.⁴ Однако история бунта Мазепы отнюдь не тривиальна и реально углубляет наше понимание Северной войны, так как представляет собой хороший пример поддержки, которую раннеמודерный абсолютный монарх, Карл XII, оказывал местным автономиям на территории своих противников.

Взаимодействие абсолютизма, автономии и дворянских привилегий являлось одним из аспектов политической игры. В этом мире среди монархов не существовало солидарности. Карл XII заявлял о поддержке шляхетских свобод в Польше. Кроме того, он был убежден, что русские бояре или даже народ в целом при его приближении восстанут против Петра, как они делали в Смутное время. После этого он рассчитывал создать слабую боярскую олигархию, может быть, отрезать от России Новгород в качестве марионеточного государства и обратить вспять европеизацию России. Современники полагали, что европеизация была чисто петровской идеей, и большинство дипломатов было уверено в том, что, если Петра не станет, его реформы потерпят крах. Кроме того, они понимали, что реформы усиливают Россию, а именно этого не желал Карл. Его целью являлся демонтаж петровских реформ с целью навсегда ослабить Россию⁵.

Идея о том, что шведский король собирался даровать свободу либо русским боярам, либо гетманату, скрывает в себе немало

⁴ См. новейшее исследование о Полтавской битве, в котором опровергается ряд мифов, возникших после этих событий (в частности, речь идет о малой численности украинских казаков и их слабом участии в сражении): П. А. Кротов. Битва при Полтаве. СПб., 2009. С. 191–193. См. также: Peter Englund, *Poltava, Berättelsen om en armésundergång* (Stockholm, 1988) (по шведским источникам); и Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958 (где воспроизводятся многие из мифов, впоследствии опровергнутых Кротовым).

⁵ Шведские историки XIX в. понимали, в чем заключались цели Карла XII, хотя его культ, возникший в Швеции на рубеже XIX–XX вв., повлек за собой нежелание учитывать его военные цели: Bushkovitch, *Peter the Great*, 255, 257–61.

иронии, поскольку Карл XII отнюдь не был сторонником дворянских свобод у себя дома. Его отец, Карл XI, в 1680 г. установил режим королевского абсолютизма, и Карл XII не собирался от него отказываться. Одним из аспектов шведского королевского абсолютизма служила так называемая «редукция» — политика изъятия в пользу Шведской короны ее бывших земель в самой Швеции и в Ливонии, вызывавшая массовое недовольство у ливонского дворянства. В ответ на это недовольство король в 1694 г. упразднил ливонские институты (должность ландмаршала и коллегия ландратов) и низвел Ландтаг до статуса совещательного органа при шведском губернаторе. Среди прочего, именно это недовольство породило движение против королевской власти во главе с Иоганном Рейнгольдом фон Паткулем. В свою очередь, он уговаривал польского короля Августа II воспользоваться ситуацией и аннексировать Ливонию, хотя в итоге тем, кто пожал плоды сопротивления прибалтов шведскому абсолютизму, оказался Петр⁶.

Политика, направленная на поддержку привилегий дворян во враждебных монархиях, была европейской традицией. В теории раннеמודерные абсолютные монархи стремились сократить или даже упразднить привилегии дворянства и различных местных общин — городских либо сельских — в пределах своих владений. Ришелье, Мазарини и Людовик XIV во Франции и Оливарес и его преемники в Испании непрерывно воевали с местными автономиями и дворянскими привилегиями, но они не имели ничего против местных автономий и дворянских привилегий во враждебных государствах. Всякий раз, как абсолютным монархам предоставлялась возможность, они утверждали, что сражаются за привилегии дворянства во враждебных государствах, и их не беспокоило даже то, что эти привилегии в ряде случаев отчасти распространялись и на недворян, как обстояло дело, например, в Каталонии. Так, французский король поддержал Каталонию, в 1640 г. восставшую против короля Испании во имя местных свобод и привилегий. Испанский король отплатил ему тем же несколькими годами

⁶ Anthony F. Upton, *Charles XI and Swedish Absolutism* (Cambridge; New York, 1998), 191–98; Göran Rystad, *Karl XI: en biografi* (Lund, 2001), 334–44; Alvin Isberg, *Karl XI och den livländska kaadeln, 1684–1695: Studier rörande det karolinska enväldets införande i Livland* (Lund, 1953); Yella Erdmann, *Der livländische Staatsmann Johann Reinhold von Patkul; ein abenteuerliches Leben zwischen Peterdem Grossen, August dem Starken und Karl XII. von Schweden* (Berlin, 1970).

спустя: во время французской Фронды Испания заключила формальное соглашение с принцем Луи де Конде и другими восставшими аристократами и оказала им помощь войсками в их борьбе против Мазарини и малолетнего короля⁷. В 1674 г. было организовано не менее трех аристократических заговоров против Людовика XIV, причем южно-французские заговорщики-протестанты заключили договоренности не только с принцем Оранским, но и с испанским монархом. Заговорщики были казнены после ужасающих пыток и вслед за ними погибло бы еще больше людей, если бы глава королевской полиции Николя де ла Рейни не указал, что множество казней даст представление о масштабе заговоров⁸.

Смерть Карла XII положила начало так называемой *Frihetstiden*, «Эпохе свободы» в Швеции (первый современный финский историк Ирио Коскинен называл ее *säätyvallan aika*, «Эпохой власти сословий»)⁹. Ништадтский мирный договор 1721 г. включал положение, согласно которому Россия становилась гарантом шведской конституции 1720 г., подчинявшей короля Совету и сословиям. В то время как новое шведское правительство добивалось такой гарантии в своих собственных целях, в инструкции, полученной Брюсом и Остерманом от Петра, царь мимоходом включил указание предложить ее шведам, если они сами ее не потребуют. Петр знал, что он делает. Шведская конституция 1720 г. играла на руку России, пока Петру и последующим российским импера-

⁷ В Каталонии местная автономия контролировалась дворянством и элитой Барселоны. Ришелье с большим удовольствием вступил в союз с ними: J. H. Elliott, *The Revolt of the Catalans: a Study in the Decline of Spain, 1598–1640* (Cambridge, 1963), 161–63, 521–22, 525. Их взаимоотношения не были вполне свободны от трений, так как французская армия реквизировала у каталонцев припасы, тем самым игнорируя их права: Elliott, *Revolt*, 535–36.

⁸ Klaus Maletke, *Opposition und Konspiration unter Ludwig XIV: Studien zu Kritik und Widerstand gegen System und Politik des französischen Königs während der 1. Hälfte seiner persönlichen Regierung* (Göttingen, 1976); idem, “Complots et conspirations contre Louis XIV dans la deuxième moitié du XVII siècle,” in *Complots et conjurations dans l’Europe moderne*, ed. Y.-M. Bercé et E. F. Guarini, Collection de l’école française de Rome 220 (Rome, 1996), 347–71. Большинство историков, описывающих правление Людовика XIV, даже не упоминают эти заговоры, тем самым создавая впечатление, что Людовик гораздо успешнее подавлял аристократическое и местное недовольство, чем обстояло дело в реальности.

⁹ Yrjö Sakari Yrjö-Koskinen, *Suomen kansan historia* (Helsinki, 1930; впервые издано в 1869 как *Oppikirja Suomen Kansan historiassa*).

трицам удавалось давать шведскому сейму более крупные взятки, чем предлагали ему англичане и французы¹⁰. Лишь реставрация абсолютизма, осуществленная в 1772 г. Густавом III, сделала шведское правительство независимым от зарубежного вмешательства. Причина, по которой царь-самодержец поддерживал «свободы», т. е. дворянские привилегии, была очень проста: те ослабляли обоих ближайших соседей России. Это относилось как к Швеции, так и к Польше. Артамон Матвеев еще в 1670-е гг. понял, что польское государственное устройство и политические традиции способствуют русскому влиянию, а Петр при желании мог бы найти такие же наблюдения в политических бестселлерах его времени. Немецкий юрист и историк Самуэль Пуфендорф в 1682 г. отмечал, что Россия всегда будет иметь преимущество над Польшей, поскольку русский царь обладает абсолютной властью, в то время как Польша по сути является республикой во главе с президентом, обладающим королевским титулом¹¹. Россия, Пруссия и Австрия эксплуатировали польскую «золотую свободу» на протяжении большей части XVIII в., а Екатерина II использовала ее, чтобы в 1790-х гг. расстроить попытки Польши изменить дворянские привилегии на реальную свободу. Лишь потрясение французской революции, положившей конец традиционным сословным собраниям, вынудило европейских монархов по крайней мере какое-то время оказывать поддержку братским монархиям.

Русская политика в Польше и Швеции представляла собой часть международной политики. История прибалтийских провинций и гетманата входила составной частью в историю России как империи: эта тема лишь в последнее время стала рассматриваться сама по себе. История Российской империи началась не в Перея-

¹⁰ Göran Wensheim, *Studier kring freden i Nystad* (Lund, 1973), 155–57, 186–87; Л. А. Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 438, 467, 473–74, 481–82; M. F. Metcalf, *Russia, England, and Swedish Party Politics 1762–1788* (Stockholm; Totowa, N. J., 1977); и классическая работа С. G. Malmström, *Sveriges politiska historia från konung Karl XII:s död till stats-hvälfningen 1772*, 6 vols. (Stockholm, 1893–1901).

¹¹ Bushkovitch, *Peter*, 70; Samuel Pufendorf, *Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten, so itziger Zeit in Europa sich befinden* (Frankfurt a. M., 1682), 699–700, 707; С. Пуфендорф. Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С. 397, 401–402. Книга Пуфендорфа в 1718 г. была издана в русском переводе по приказу Петра: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. 2 т. СПб., 1862. Т. 1. С. 138. Т. 2. С. 437–439.

славе и не в Риге; она началась в 1552 г. в Казани и, несомненно, была историей завоеваний и аннексий — но отнюдь не историей неустанного мистического стремления к централизации, или унификации.

Завоевание Казани, Поволжья и Сибири при Иване IV поставило русское правительство перед сложнейшей дилеммой. Завоеванные территории были громадными, их население радикально отличалось в плане религии и социальной структуры, а российский административный аппарат был крохотным по европейским или мировым стандартам. Решение было простым: прислать войводу, построить несколько острогов, разместить в них гарнизоны и церкви, а все остальное оставить в прежнем виде. Россия, в отличие от Испании, не изгоняла своих мусульман и не вынуждала их к переходу в христианство. Поскольку для исламских обществ характерно нерасторжимое переплетение религиозных, социальных и юридических институтов, российские мусульмане в целом сохранили в неприкосновенности всю свою социальную и юридическую структуру, а не только религию и свое «духовенство». Народы Поволжья жили в условиях той же смеси шариата с местными обычаями, что и раньше, и у них остались медресе, вакуфы и прочие исламские институты. Разумеется, дело не обходилось без конфликтов, а последнее слово всегда оставалось за русской администрацией, но в ее распоряжении находились лишь незначительные ресурсы. Кроме того, татарские полки входили в состав русской армии, которая во время Ливонской войны была на четверть татарской. Аналогичной была и русская политика в Сибири: к обращению в христианство не принуждались ни татары-мусульмане, ни буряты-буддисты. По словам Валери Кивельсон, «сражаясь одновременно на два фронта — за дифференциацию и членение, с одной стороны, и за интеграцию под властью царя, с другой стороны, московская имперская политика породила своеобразный союз местных особенностей и различий»¹².

¹² Valerie Kivelson, *Cartographies of Tsardom: The Land and its Meaning in Seventeenth-Century Russia* (Ithaca, N. Y., 2006), 209. См. также: Andreas Kappeler, *Russlands erste Nationalitäten: das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert, Beiträge zur Geschichte Osteuropas* 14 (Cologne, 1982); И. П. Ермолаев. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: управление Казанским краем. Казань, 1982; Janet Martin, “Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War,” in *The Military and Society in Rus-*

Автономия прибалтийских провинций и Украинского гетманата основывалась на иных принципах, нежели религиозная автономия мусульманских и буддистских народов. В обоих случаях она была итогом юридических актов: Переяславского соглашения 1654 г. и последующих договоренностей, заключавшихся в начале каждого гетманата, и Балтийских капитуляций 1710–1712 гг. Их судьба была различной, причем это в еще большей степени относится к историографии, чем к реальности. Самой поразительной чертой историографии прибалтийских провинций является сложившийся среди историков консенсус, согласно которому Петр и его преемники придерживались, за небольшими исключениями, договоренностей об автономии до 1783–1786 гг. Среди немецко-прибалтийских, эстонских, латышских и русских историков существует много разногласий в отношении смысла первоначальных соглашений, того, что они дали различным социальным и этническим группам в прибалтийских провинциях, и характера мотиваций российских правителей в различные периоды, но никто не спорит с тем, что Петр восстановил автономию местных структур и что она оставалась в силе¹³.

sia 1450–1917, ed. Eric Lohr and Marshall Poe (Leiden; Boston, 2002), 365–88; idem, “Multiethnicity in Muscovy: a Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550’s–1560’s,” *Journal of Early Modern History* 5, no. 1 (2001): 1–23; Paul Bushkovitch, “Princes Cherkasskii or Circassian Murzas: the Kabardians in the Russian Boyar Elite 1560–1700,” *Cahiers du monde russe*. 45, nos. 1–2 (January–June 2004): 9–30. По решению Оренбургского духовного собрания ислам в 1785 г. фактически превратился в религию, спонсируемую государством, подобно лютеранству в прибалтийских губерниях и в Финляндии. См.: Robert Crews, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Cambridge, Mass., 2006). Специалисты по истории поволжских народов, изучая российское законодательство, нашли в нем на протяжении полутора столетий после завоевания только законы, относящиеся к татарскому поместному землевладению, и ничего, касающегося статуса исламских институтов, хотя последние были активны в начале XVIII в., еще до попыток императрицы Елизаветы насильно обратить мусульман в христианство. См.: Kappeler, *Russlandserste Nationalitäten*, и А. Ногманов. *Самодержавие и татары: Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков*. Казань, 2005. Попытка объяснить русский подход предпринимается в: Paul Bushkovitch, “Orthodoxy and Islam in Russia 988–1725,” in *Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzepte und Praktiken, Potenziale und Grenzen 14–17 Jahrhundert*, ed. Ludwig Steindorff, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 76 (Wiesbaden, 2010), 117–44.

¹³ См., например: Julius Eckardt, *Livlandi macht zehnten Jahrhundert*, vol. 1 (Leipzig, 1876); Hassovon Wedel, *Die Estländische Ritterschaft vornehmlich zwischen 1710*

Под надзором полномочного представителя Петра, Герхарда Иоганна фон Левенвольде, бывшего сообщника Паткуля, состоялась сессия Ландтага, на котором были выбраны ландмаршалы и ландраты, а также прочие судьи и должностные лица; тем самым была восстановлена система, упраздненная в 1694 г. Петр покушался на традиционные привилегии данного региона лишь в том отношении, что в 1712 г. он назначил московского купца Илью Исаева надзирать за сбором пошин в Риге. Исаев занимался этим до 1720 или 1721 г., когда Петр отозвал его, чтобы поставить во главе Петербургского магистрата. Любопытно, что в 1729 г. Исаев вернулся в Ригу, и лишь в 1731 г. Анна окончательно отозвала его для службы в Коммерц-коллегии. Во всех прочих отношениях город находился в руках местного магистрата, а остальной частью прибалтийских территорий управляло дворянство при посредстве местных ландратов, выбиравшихся из его рядов Ландтагом. В 1713–1719 гг. местным губернатором, назначенным Петром, был князь Петр Алексеевич Голицын, который прежде был русским послом в Вене, а затем — губернатором Архангельска. Хотя Голицын, по всей вероятности, в какой-то мере владел немецким языком, штат его подручных был очень малочисленным и отправлением правосудия и сбором налогов по-прежнему занимались ландраты. Аналогичным образом действовал и князь Аникита Иванович Репнин, который был губернатором Риги с 1719 г. вплоть до своей смерти в 1726 г.; той же политики придерживались и преемники Петра. Впоследствии губернаторами обычно назначались немцы или представители иных наций, кроме рус-

und 1783: Das erste Jahrhundert russischer Herrschaft, Osteuropa Forschungen NF 18 (Königsberg; Berlin, 1935); Gertvon Pištolhkors, ed., *Deutsche Geschichte im Osten Europas: Baltische Länder* (Berlin, 1994), 266–94; Я. Зымс. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946; Toivo Raun, *Estonia and the Estonians* (Stanford, Calif., 2001), 38–40; Mati Laur et al., *History of Estonia* (Tallinn, 2000), 139; Sepo Zetterberg, *Viron Historia* (Helsinki, 2007), 271–73; Andrejs Plakans, *The Latvians: A Short History* (Stanford, Calif., 1995), 72–73; Roger Bartlett, “The Russian and the Baltic German Nobility in the Eighteenth Century,” *Cahiers du monde russe et soviétique*. 34, nos. 1–2 (1993): 233–43; Thaden and Thaden, *Borderlands*, 5–14; Jürgen von Ungern-Sternberg, “Genese und Rechtscharakter des Kapitulationsschemas im europäischen Horizont,” in *Die Kapitulationen von 1710: Kontext, Wirkung, Interpretation*, ed. Karsten Bruggemann, Mati Laur, Pärtel Piirimäes Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte 23 (Köln — Weimar — Wien, 2014), 17–42.

ской. Генерал-губернатором нередко являлся генерал, который редко бывал в Риге, — таким был, например, ирландец Петр Ласси (Петер фон Ласи), занимавший эту должность с 1729 по 1741 гг. Нужно ли говорить, что прибалтийские губернии не платили «подушного налога» и не поставляли рекрутов для русской армии. Вместо этого они платили традиционные налоги шведских времен, существенно более низкие¹⁴. Создание коллегиальной системы управления в 1717–1719 гг. не изменило статуса прибалтийских губерний, и по сути в коллегии на русскую службу шли прибалтийские дворяне, отвечавшие даже за надзор за своими родными землями¹⁵.

Пока продолжалась война, главным яблоком раздора неизбежно оставались споры по поводу постоя русских войск, а во все не принципиальные вопросы о юридическом статусе. В 1725 г. Ливонский сейм даже сумел расширить свои привилегии за счет города Риги — в частности, благодаря успешному лоббированию в Санкт-Петербурге. Автономные институты дворянства и крупных городов содержали в Петербурге своих представителей, служивших каналом оповещения о новых законах и влияния на реше-

¹⁴ Wittram, *Peter I*, 2:79–99; Piŝtohlkors, *Baltische Länder*, 269–81; М. В. Бабич, И. В. Бабич. Областные правители России 1719–1739. М., 2008. С. 78. Об Исаеве см. также: Зумис. Остзейский вопрос. С. 179; Bushkovitch, *Peter*, 313–14; Н. В. Козлова. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 59–60, 120–123. Кроме того, Петр сохранил шведское право и лютеранскую церковь в Выборгской губернии, включая выборгский городской магистрат и приходские и губернские крестьянские суды. Дворянская автономия в данном случае не была проблемой, так как шведская «редукция» привела к лишению большинства дворян их владений, а другие бежали. После 1710 г. землевладельцами там были русские и прибалтийские немцы. См.: Raimo Ranta, *Viipurinkomendanttikunta, 1710–1721: Valtaus, hallinto ja oikeudenhoito*, Historiallisia tutkimuksia 141 (Helsinki, 1987); idem, *Vanhan Suomen talouselämä vuosina 1721–43*, Historiallisia tutkimuksia 130, 2 vols. (Helsinki, 1985); Nikolai Henrik Engelhardt, *Beschreibung des Russisch Käyserlichen Gouvernements von Wiburg (1767)*, Suomen historiallisuutta 8 (Helsinki, 1973), 13, 71–85.

¹⁵ Зумис. Остзейский вопрос. С. 90–91; Wittram, *Peter I*, 2:84; Н. Н. Петрухин-цев. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. Под ред. А. В. Дорохина. М., 2008. С. 66–87; К. Н. von Busse, ed., “Hermann von Breverns Leben,” *Archiv für die Geschichte Liv- Est- und Kurlands*, vol. 5, no. 3 (1847): 225–59. Бреверн служил в системе ливонского судопроизводства, пока не был отозван в 1718 г. на службу в петровской Юстиц-коллегии.

ния правительства. Эти представители дополняли должностных лиц прибалтийского происхождения, служивших в петербургских учреждениях, суде и в армии. Кроме того, прибалтийские дворяне обнаружили способность к продуктивной совместной работе. При всей своей враждебности к городам дворяне Ливонской и Эстляндской губерний выступали единым фронтом перед Петром и его наследниками¹⁶.

Мотивации, которыми руководствовался Петр, подтверждая прибалтийскую автономию, в значительной степени обречены оставаться предметом спекуляций. Письменные обоснования решений, принимавшихся Петром и его должностными лицами, начали систематически появляться лишь в ходе его правления — отчасти по его собственному приказу. В 1710 г. Петр часто писал Борису Петровичу Шереметеву, командовавшему русскими войсками в том регионе, но в этих письмах затрагивались исключительно военные вопросы. Официальная прокламация от 30 сентября 1710 г., адресованная ливонскому дворянству, мало чем способна нам помочь, и мы можем быть уверены лишь в том, что подтверждение дарованных в 1561 г. и иных привилегий являлось инициативой Левенвольде. Гораздо более подробным был царский приказ Левенвольде от 17 октября 1710 г.: в нем указывалось, какие именно действия полномочный представитель царя должен был предпринять в отношении созыва дворянства и последующих выборов на различные местные должности. В документе уделялось большое внимание необходимости восстановить процветание региона, способам восстановления автономных институтов и налоговой системы, существовавшей до «редукции», а также возвращению владений, изъятых шведской короной во время «редукции». Кроме того, подробно разбирался вопрос о постое войск в данных губерниях, становившихся приграничьем воюющей России¹⁷. Возникает впечатление, что Петру были нужны процветание и лояльность его новых владений с тем, чтобы это способствовало осуществлению российских целей на тот момент и в дальнейшем. Возможно, в теории он полагал, что для достиже-

¹⁶ Eckhardt, *Livland*, 149–51; *Зулис*. Остзейский вопрос. С. 109–116.

¹⁷ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 10. С. 354–355, 372–377. Инструкции Левенвольде подписаны царем Петром и графом Г. И. Головкиным, возглавлявшим Посольский приказ.

ния процветания и лояльности требуется более централистская политика, но в приказе Петра не содержится никаких указаний на то, что он хотя бы рассматривал этот вариант.

История Украинского гетманата шла совершенно иным путем по сравнению с прибалтийскими провинциями, в конечном счете завершившись ликвидацией почти всех элементов автономии к концу XVIII в. Начало этой иной траектории было положено в 1708 г., причем речь идет вовсе не о каком-то очередном этапе неумолимого движения к централизму — это был резкий разрыв с прежними подходами. В период между 1657 г., когда умер Хмельницкий, и 1672 г. русские цари, несомненно, пытались использовать разные способы обуздать хаотическую ситуацию, от внесения ограничений в «Артикулы» до попытки включить гетмана Ивана Брюховецкого (1663–1668) в число русских бояр. Однако после избрания Ивана Самойловича, состоявшегося в 1672 г. под присмотром князя Г. Г. Ромодановского, положение гетманата оставалось стабильным до 1708 г. В чем-то более жесткие «артикулы» 1687 г., навязанные князем В. В. Голицыным, как будто бы не мешали Мазепе. По крайней мере, историки, изучающие гетманат Мазепы, не находят серьезных случаев более значительных препятствий его действиям со стороны царя. Собственно говоря, если бы такие препятствия были эффективными, то утратил бы силу аргумент о том, что правление Мазепы являлось эпохой энергичного государственно-строительства, покровительства над культурой и расширения гетманской власти. По сути Петр доверял Мазепе, а полномочия русских полководцев в острогах и городах гетманата по-прежнему были сильно ограниченными. Судебная и налоговая система оставалась такой же, как и до 1672 г., а цари не пытались подстраивать назначения казачьих полковников и прочих ключевых фигур в казачьей старшине (офицерском корпусе). При Мазепе полковники назначались на свою должность гетманом, пусть обычно это и происходило с одобрения царя¹⁸. Единственной, хотя и ключевой сферой, куда действительно вмешивались цари, были выборы гетма-

¹⁸ В. Дядиченко. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. Київ, 1959. С. 199–201; в Оглоблин. Гетьман Іван Мазепа. С. 63, 167, перечислены семь полковников, назначенных Мазепой. В разные моменты времени на протяжении своего гетманства Мазепа назначил полковников почти во все полки, кроме Миргородского, во главе которого с 1683 г. по 1727 г. стоял Данило Апостол.

нов — Самойловича, самого Мазепы и, наконец, Скоропадского в 1708 г. История гетманата насчитывает 36 лет, на протяжении которых старшина имела возможность консолидироваться в качестве наследственной социальной и правящей элиты¹⁹.

Политика Петра по отношению к Мазепе не менялась с течением времени. Создание «больших губерний» в 1708 г. не привело к каким-либо заметным различиям. Губернаторские полномочия нового киевского губернатора, князя Д. М. Голицына, распространялись только на восточную часть его новой губернии — на окрестности Белгорода, — но не на территорию гетманата. «Малороссийские города» так и не перешли в подчинение Разрядному приказу, как первоначально планировало это ведомство. Нет никаких свидетельств того, что у Петра до 1708 г. имелись какие-либо замыслы в отношении военной или политической реорганизации украинских казаков²⁰. Сам Мазепа не ссылался на какие-либо подобные меры, реальные или воображаемые, как на причину своего перехода к шведам. Он писал об (оставшихся неназванными) покушениях Петра на привилегии гетманата, о недавнем появлении русских командующих в украинских городах и о мнимом стремлении царя уничтожить запорожское казачество, но его решающим аргументом было победоносное шествие шведской армии к русской границе²¹. Перемена в отношениях Пе-

¹⁹ *Костомаров*. Мазепа и мазепинцы. Т. 16; *Оглоблин*. Гетьман Іван Мазепа. С. 41–272; *Таирова-Яковлева*. Мазепа. С. 86–97, 145–177; *П. Бушкович*. Россия и украинское гетманство в 1653–1725 гг. // Белоруссия и Украина: История и культура, ежегодник 2004. М., 2005. Об элите см.: *В. Панащенко*. Соціальна еліта Гетьманщини (друга половина XVII–XVIII ст.). Київ, 1995.

²⁰ Единственным (причем сомнительным) источником, содержащим указания на такие планы, является письмо Орлика: *Костомаров*. Мазепа. С. 549–550; *А. Яковлів*. Українсько-московські договори в XVII–XVIII віках. Праці Українського наукового інституту ім. Шевченка 19. Варшава, 1934. С. 135; *Оглоблин*. Гетьман Іван Мазепа. С. 261; *Яковлева*. Мазепа. С. 188–189; ср. скептические замечания в: *Горобець*. Присмерк. С. 57–58. Горобец не сумел найти никаких следов таких планов в соответствующих русских архивных собраниях. Разрядный приказ являлся русским ведомством, распоряжавшимся армией и укреплениями на южной границе. Попытка Т. Г. Таировой-Яковлевой объяснить переход гетмана формированием новой Киевской губернии является противоречивой и неубедительной: *Иван Мазепа и Российская империя: История «предательства»* (М.; С.-Пб, 2011), 315–36.

²¹ См. письмо Мазепы Скоропадскому от 30 октября 1708 г. в: *Універсали Івана Мазепи (1687–1709)*. Упоряд. І. Бутич. Київ, Львів, 2002–2006. Гл. 1–2, особ.

тра с гетманатом последовала за решением Мазепы переметнуться в ряды союзников шведов.

Узнав об этом поступке Мазепы, Петр принял меры к тому, чтобы оставшаяся старшина выбрала вместо Мазепы Ивана Скоропадского, и назначил при его ставке постоянного официального представителя (Андрея Измайлова, бывшего дипломата). Это было важное новшество, поскольку прежде цари имели дело с гетманами либо напрямую, через Посольский и Малороссийский приказы, либо, в некоторых случаях, через киевских воевод или местных военачальников. Измайлов и его преемник, Ф. И. Протасьев, были не наместниками царя, а его представителями, и не отвечали за управление гетманатом. Они, безусловно, докладывали о наблюдавшихся ими проблемах и были не единственными, кто это делал. Главный русский военачальник на Украине в 1712–1719 гг., граф Шереметев, еще с 1680-х гг. был связан с украинской элитой. При всем его сочувствии бедственному положению гетманата он не питал иллюзий в отношении ситуации, о чем свидетельствует его письмо Г. И. Головкину от 26 апреля 1713 г. Имеет смысл полностью привести большой отрывок из этого письма, так как он представляет собой едва ли не самое подробное изложение точки зрения на гетманат по крайней мере одной из видных русских фигур. Инцидент, о котором пишет Шереметев, произошел в Прилуках:

«А имянно, сего месяца 19-го числа на крестинах сына моего Федор Иванович господин Протасьев ему, господину гетману, говорил при всех полковниках и старшинах вслух таким образом: у меня де вам всем каторга готова, а полковник гадицкой [Иван Чарныш] вор и изменник. И в том многие сего народу зазрили и сумнились. И больше сей истинны объявить не могу, только, как выше упоминал, прошу о презрении, что дерзнул донести, понеже его, гетманские и гетманшины видел слезы. И хотели было о том они до царского величества писать, однакож я едва от того удержал, и о том сведомы зять и дочь ваши. Как ваше сиятельство изволите ис приложенных ведомостей уведомиться, то моему рассуждению и как мнением дохожу, что турецкая война не утихает и время крутое приходит. А здесь черкаские [так русские называли украинских казаков]

с. 411–412: «потенция московская безсильная и невоенная бегством всегда от непреоборимых войск шведских убели».

полковники зело люди слабые, и в нужное время и гетману нет помощников. Что я сам разсмотрел и гетман выговаривал, что стародубской [полковник Лукьян Жоравка] зело плох, которого б взять за его верность в судьи или в обозные: лубенской [полковник Василий Саввич] зело пьян и нерушим с места: нежинской [полковник Лукьян Жураковский] зело глуп и непотребен — и взять бы в обозные: прилуцкой [полковник Иван Нос] чрезмерно стар и плох и всем слаб, хотя он и показал некоторую услугу — чем бы оно-го наградя, переменить. Я что вижу, то и доношу, без чего пробить нельзя. Не изволите ль ваше сиятельство о сем помыслить и кому на их места быть полковниками — предать на волю и разсуждение гетманское, чтоб ево тем во оскорбление не привести. Будет же ваше сиятельство за благо о сем не воспримете, предаю в том на волю вашу»²².

Судя по письму Шереметева, он критиковал гетманат, пусть и не так решительно, как Протасьев, и считал своим долгом докладывать о соответствующих фактах Головкину. Иными словами, Протасьев был не единственным, а может быть, и не самым главным представителем царя на месте. Из этого письма также следует, что гетман был согласен с тем, как Шереметев оценивал четверых полковников, причем среди прочего выясняется, что фельдмаршал не считал генеральных должностных лиц гетманата важными фигурами. Он предложил назначить некомпетентных полковников генеральными судьями или генеральными обозными (начальниками по снабжению). Принципиальное значение имела сама пол-

²² Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 13. Ч. 1. М., 1992. С. 346; George Gajecy, *The Cossack Administration of the Hetmanate*, 2 vols. (Cambridge, Mass., 1978), 1:22, 134, 252, 359; 2: 402. О Шереметеве см.: А. И. Заозерский. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989; Paul Bushkovitch, "Russian Boyars and the Ukrainian Hetmanate," *Journal of Ukrainian Studies* 29, nos. 1–2 (Summer/Winter 2004): 47–63. Дочь и зять Головкина, упоминаемые Шереметевым, — должно быть, старшая дочь канцлера Наталья Гавриловна и ее муж князь Иван Федорович Барятинский, служивший в то время в Семеновском гвардейском полку. Хотя в отношении даты их брака имеются некоторые разногласия, две другие дочери Головкина в 1713 г. явно были слишком молоды. В 1730-х гг. Барятинский после смерти Даниила Апостола возглавил администрацию гетманата. См.: А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга. 2-е изд. 2 т. СПб., 1895. Т. 1. С. 442; *Бабич, Бабич*. Областные правители России. С. 195–196.

ковничья должность, а не ее держатели. Так или иначе, Головкин в 1713 г. не прислушался к совету Шереметева. Он ответил, что не желает смещать четверых некомпетентных полковников, так как это, по его мнению, было бы «непристойно и не безопасно», по крайней мере в данный момент. Жоравка и Жураковский оставались полковниками до самой смерти — до 1719 и 1718 гг. соответственно. В 1714 г. либо Головкин, либо сам Петр передумал, и Скоропадский по требованию Шереметева и Протасьева сместил Саввича и Носа. На их место гетман назначил Андрея Маркевича (Лубны) и Игната Галагана (Прилуки). Нос в 1714 г. получил должность генерального судьи, но после его смерти в 1715 г. его сменил Иван Чарныш²³. О пределах влияния Протасьева дает четкое представление тот факт, что Чарныш, родственник гетмана, сумел стать генеральным судьей, несмотря на то, что русский агент называл его «вором и изменником».

Назначение новых полковников, вопреки мнению Гуржия и Горобца, представляло собой не просто попытку навязать гетманату послушных вождей. Дядиченко отмечает, что Шереметев и Протасьев в 1713 г. писали Скоропадскому о необходимости заменить Носа и Саввича, но не предлагали своих кандидатов; эта инициатива принадлежала гетману, назначившего полковниками Маркевича и Галагана. Царь, согласившись с назначениями гетмана, отдал два полка под начало этим людям, близким к гетману и обязанным ему своими весьма прибыльными должностями²⁴. И это были не последние назначения, полезные для гетмана. В 1719 г. должность полковника в Нежине отошла к новому зятю гетмана П. П. Толстому. Как бы ни относился Скоропадский к младшему Толстому, это назначение дало ему влиятельного союзника в Санкт-Петербурге в лице отца его нового зятя. Свадебная церемония ясно давала понять, что Петр рассматривал этот брак как акт своей личной благосклонности и расположения к гетману. На-

²³ Смещение Носа и Саввича упоминается в: Дядиченко. Нариси. С. 202, где этот шаг изображается как предпринятый по инициативе Шереметева и Протасьева, так как автору было неизвестно письмо Шереметева. Той же позиции придерживается и Гуржий: Гуржий. Гетьман Иван Скоропадський. С. 66. См.: Gajesky, *Cossack Administration*, 1: 252–253; 2: 402, 662. Ответ Головкина см. в: Письма и бумаги. Т. 13. Ч. 1. С. 346, сн. 18.

²⁴ Дядиченко. Нариси. С. 202; Гуржий. Гетьман Иван Скоропадський. С. 66–67; Горобець. Присьмерк. С. 223, 227.

значение младшего Толстого полковником немедленно поставило Протасьева на место, так как последнему пришлось отправить Скоропадскому письмо с унижительными извинениями²⁵. Момент, выбранный для свадьбы, и это назначение весьма показательны. Петр предложил гетману кандидатуру Толстого в начале 1718 г., вскоре после того, как старший Толстой привез Петру из Неаполя царевича Алексея, тем самым заслужив царскую милость, которая сохранялась до самой смерти Петра. В то же время Шереметев был связан с партией Долгорукого при дворе, причастной к бегству Алексея. Петр вскоре отозвал фельдмаршала в Петербург, но тот умер в Москве в начале 1719 г. Кроме того, Толстой как будто бы был независим от Меншикова, хотя и поддерживал его в стремлении возвести на престол Екатерину I в 1725 г. Младший Толстой через своего отца заменил для Скоропадского Шереметева в качестве важной фигуры в петровском правительстве²⁶.

Произошедшее в тот же период назначение двух других полковников ставит перед нами иные вопросы. В 1718 г. Скоропадский сетовал на то, что полковники Василий Танский и Гаврило Милорадович никому не подчиняются и не выполняют его распоряжений. На самом деле оба они были не полковниками, а лишь родственниками гадячского (Михаил Милорадович) и киевского (Антон Танский) полковников, хотя их иногда путают в литературе. В документе об их назначении не только приводятся иные личные имена, но и оба они называются только по их именам, а не по названиям их полков, вопреки тогдашнему обычаю. Что более важно, в 1718 г. оба они были клиентами Меншикова, который писал Петру с просьбой назначить одного из них на вакантную должность переяславского полковника. Таким образом, создается впечатление, что родственники двух влиятельных полковников состояли в союзе с Меншиковым и что киевский и гадячский полковники получили свои должности ранее по указу Петра²⁷. Действительно ли Петр назначил на эти должности дружков Меншикова?

²⁵ Соловьев. История. Т. 8. С. 593–594.

²⁶ Гуржий. Гетьман Иван Скоропадський. С. 46–47; Заозерский. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. С. 146–151; Bushkovitch, Peter, 337, 408–11, 414, 416.

²⁷ Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории. М., 1858. Т. 11. С. 282; Дядиченко. Нариси. С. 203; Материалы для Отечественной истории. Под ред. М. Судзенко. 2 т. Киев, 1853–1855. Т. 2. С. 251.

На самом деле эти назначения были итогом более запутанных обстоятельств, а связи с Меншиковым, вероятно, возникли уже после этих назначений. Милорадович был сербом, а Танский — «волохом» (валахом), и оба они оказались в России и гетманате вместе с русской армией, оставившей Молдавию в 1712 г., после поражения на реке Прут. В тот момент их покровителем, что вполне естественно, был соперник Меншикова Шереметев, командовавший русской армией сперва на Пруте, а затем на украинской границе. В конце 1711 г. фельдмаршал уведомил гетмана о том, что в гетманат придут правобережные казаки, и дал общую рекомендацию полковнику Белоцерковского полка (Антону Танскому) и некоему Григорошу — очевидно, Григорию Волошину-Григорошу, служившему в те годы в Прилукском полку. В начале 1712 г. фельдмаршал рекомендовал гетману Василия Танского на должность полковника Киевского полка, оставшегося без начальника вследствие его смерти. Рекомендация фельдмаршала не имела успеха, но эта должность в том же году досталась Антону Танскому²⁸. Таким образом, из источников следует, что инициатива назначения Танского исходила от Шереметева и через гетмана достигла Петра, который и принял окончательное решение. Фельдмаршал не пытался действовать через голову гетмана, что неудивительно с учетом позиции Шереметева. Как правило, он обращался к Скоропадскому как к «моему древнему благодетелю», постоянно посылал ему подарки и испрашивал у него милостей — преимущественно в виде земельных наделов в гетманате. Танский был не единственным «волохом», рекомендованным Шереметевым гетману: в августе 1712 г. Шереметев рекомендовал ему одного из Афендииков, служивших Петру в Молдавии и вынужденных спасаться бегством. С 1719 г. клан Афендииков служил в Переяславском полку²⁹.

²⁸ Материалы для Отечественной истории. Т. 2. С. 347–348, 354–356. Гаецкий, согласно нескольким авторитетным источникам, относит получение Антоном Танским должности полковника к 1712 г., в то время как Дядиченко ссылается на письмо Головкина от 1716 г., указывая, что Танского назначил полковником царь, но не приводя точной даты этого назначения. Гуржий, исходя из того же архивного источника, что и Дядиченко, относит это назначение к 1716 г. См.: Gajecy, *Cossack Administration*, 1: 267; 2: 578; Дядиченко. Нариси. С. 203; Гуржий. Гетьман Иван Скоропадський. С. 67.

²⁹ Материалы для Отечественной истории. Т. 2. С. 358–361; Gajecy, *Cossack Administration*, 1: 289, 315, 317.

Еще более запутанные обстоятельства, связанные в том числе и с Иваном Чарнышем, гадяцким полковником с 1709 г., окружали назначение на эту должность Михаила Милорадовича. Летом 1712 г. Головкин докладывал гетману об обличениях, исходивших от гадяцкого протоиерея, некоего Федора Лисовского. Он обвинял Чарныша в недостаточном уважении к царю, проявленном на праздничной церемонии в день Св. Петра и Павла, святых покровителей царя. Насколько можно судить, Чарныш не присутствовал на богослужении и не отдал приказа о салюте. Кроме того, он якобы преследовал как самого Лисовского, так и других своих подчиненных. Головкин приказал гетману расследовать это дело. Очевидно, оно дошло и до Петербурга, поскольку в начале 1713 г. Головкин дал ответ на письмо, в котором гетман, судя по всему, сетовал на непрерывную клевету в свой адрес. Головкин уверял его в том, что одно из дел, по которым велось расследование, явно пустяковое, и что по делу Лисовского вскоре будет принято решение: протоиерей явно пытался впутать в него гетмана. Вскоре после этих событий Шереметев пригласил гетмана стать приемником на крещении его сына, причем второй приемницей должна была стать не кто иная, как сестра царя Наталья. Именно на этих крестинах и произошел инцидент с участием Протасьева, о котором Шереметев 26 апреля 1713 г. сообщал Головкину в процитированном выше письме. Протасьев явно считал Чарныша виновным. Фельдмаршал ничего не отмечал по этому поводу, но показательна его точка зрения, согласно которой генеральные должности гетманата вполне годились для назначения на них некомпетентных лиц, а Чарныш в 1715 г. был назначен генеральным судьей. В том же году Головкин писал о Михаиле Милорадовиче как об «определенном» на должность начальника Гадяцкого полка. И в том же 1715 г. Лисовский, уже не протоиерей, получил должность капитана в Стародубском полку, где служил до 1722 г., ухитрившись стать весьма непопулярным³⁰.

Шереметев вроде бы оставался в стороне от этих дразг. Если он и имел какие-либо связи с Милорадовичем, аналогичные его связям с Танским и с семейством Афондиных, то источники об этом умалчивают. В начале 1715 г. Меншиков писал Скоро-

³⁰ Материалы для Отечественной истории. Т. 2. С. 210–215, 219–220, 239, 244–245, 250–251, 280–287; Gajecky, *Cossack Administration*, 1: 51, 359; 2: 662.

падскому, призывая его не обращать внимания на прежние «до-садительства» Лисовского, получившего новую должность. В тот момент немилость царя к Меншикову достигла максимальной отметки, и чего он добивался этой просьбой, неясно. Главные земельные владения Меншикова в Почепе принадлежали к территории Стародубского полка, но дело о почепских владениях было поднято лишь в 1717 г. Оно развело царского фаворита и гетмана по противоположным лагерям. Меншиков в итоге взял верх, но лишь в 1723 г., уже после смерти гетмана, и не полностью³¹. Вполне возможно, что именно это дело лежало в основе интереса, проявленного Меншиковым в 1718 г. к участи Танского-маадшего и Гаврилы Милорадовича, но нет никаких свидетельств, которые бы указывали на то, что Меншиков имел какое-либо отношение к Михаилу Милорадовичу в 1715 г.

Назначения в годы гетманства Скоропадского происходили по совершенно иной схеме, чем при Мазепе. Последний назначал полковников главным образом по своей воле, и последующее одобрение со стороны царя, судя по всему, носило формальный характер. Однако после 1708 г. ситуация радикально изменилась, и Петр стал гораздо активнее контролировать назначения, хотя новые назначения, производившиеся по воле Петра, не обязательно были направлены против гетмана³². Покровительство, оказываемое Шереметевым Антону Танскому, нельзя считать враждебным по отношению к гетману, учитывая давние связи фельдмаршала со Скоропадским и украинской элитой вообще. Три назначения — Маркевича, Галагана и Толстого — были полезны для гетмана, а последнее, кроме того, было сделано с оглядкой на его связи с Протасьевым и Петербургом. Двое полковников — Павел Полуботок в Чернигове и Данило Апостол в Миргороде — продержались на своих должностях до конца гетманства Скоропадского, причем оба они были заметными фигурами в составе старшины. Петр до 1722 г. не делал попыток сместить их; вообще четырех полковников, упомянутых в письме Шереме-

³¹ Bushkovitch, *Peter*, 430–31; Н. И. Павленко. Полудержавный властелин. М., 1991. С. 228–245.

³² В начале 1715 г. Петр издал указ о том, чтобы полковая старшина выбиралась гетманом с одобрения царя и приносила присягу в присутствии Протасьева. См.: *Бантыш-Каменский*. Источники. Т. 2. С. 275–276. Этот шаг трудно истолковать как односторонний удар по гетману.

тева 1713 г., ожидала разная судьба: двое были смещены, а двое умерли, оставаясь полковниками. К концу жизни гетмана в группе полковников сложилась конфигурация, отражавшая баланс нескольких группировок. Во главе трех полков стояли временные полковники, а два подчинялись давним командирам — Полуботку и Апостолу. Двое полковников были родственниками гетмана (Маркевич, Толстой), а один (Галаган) — его явным союзником. К тому моменту двое, вероятно, являлись его врагами и клиентами Меншикова (Гаврило Милорадович и Василий Танский). Петровские назначения на должности полковников в гетманате производились примерно по той же схеме, что и назначения в российские суды и органы власти: ее суть заключалась в соблюдении баланса между различными фракциями и кланами. Эта политика не имела своей целью подрыв позиций гетмана; собственно говоря, скорее она выглядит попыткой обеспечить его достаточным количеством родственников и союзников для эффективного отправления власти³³.

Отношение Петра к гетманату, по-видимому, изменилось в начале 1722 г., следствием чего стало учреждение Малороссийской коллегии. Это учреждение, первоначально предназначенное играть роль чего-то вроде высшего апелляционного суда, функционирующего параллельно гетману, вскоре — еще до смерти гетмана — превратилось в новую форму правительства. Согласно Евгению Анисимову, Малороссийская коллегия была учреждена в ответ на жалобы гетмана Скоропадского на русских должностных лиц в гетманате, переданные гетману в мае 1722 г., за два месяца до его смерти³⁴. Горобец приводит детальное описание учреждения коллегии, из которого следует, что планы ее созда-

³³ Судя по всему, генеральные должности в основном занимали союзники Скоропадского. Должность генерального обозного оставалась вакантной, а должность генерального судьи была занята лишь в 1709–1716 гг. (Алексей Туранский). Другие должности занимали: Иван Нос (1714–1715); Иван Чарныш (родственник Скоропадского, 1716–1725); Семен Саввич (генеральный писарь, 1709–1725); Иван Бутович (единственный генеральный есаул в 1709–1717 гг.); Василий Жураковский (1719–1724); Иван Сулима (генеральный хорунжий, 1708–1721, после него должность оставалась вакантной до 1728 г.); Яков Лизогуб (генеральный бунчужный, 1713–1718). См.: Gajesky, *Cossack Administration*, 2: 658, 662, 666, 672, 675, 677.

³⁴ Е. В. Анисимов. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 139.

ния появились за несколько недель до прибытия гетмана в Москву и подачи им своих жалоб. К сожалению, в источниках нет указаний на то, какие соображения стояли за этими планами, что характерно почти для всех действий Петра и ставит вопрос в отношении типа источников, сохранившихся в архивах. Ясно то, что Малороссийская коллегия ознаменовала собой непосредственное подчинение гетманата центральной власти. Кроме того, ее учреждение в том числе преследовало попытку взять под контроль финансы гетманата, а в конечном счете и реформировать его судебную систему, чего не пытались делать ранее³⁵.

Однако в двух отношениях Малороссийская коллегия не сумела полностью изменить ситуацию в гетманате. Во-первых, Петр не стал в массовом порядке смещать держателей должностей. Петр лишь назначил двух новых полковников (русских) в самые северные полки — Стародубский и Черниговский, сменив в последнем арестованного Полуботка. Сложившаяся в итоге конфигурация включала двух новых русских, двух клиентов Меншикова (Милорадовича и Танского), Толстого (русского, но связанного с покойным гетманом, а не с Меншиковым), двух последних союзников покойного гетмана (Маркевича и Галагана), двух временных полковников в Полтаве и Переяславе и Данилу Апостола, сидевшего в петербургской тюрьме³⁶. Иными словами, Петр не стал ни расширять клиентуру Меншикова, ни сокращать клиентуру покойного гетмана. Вместо этого он посадил в тюрьму недовольных полковников, сместил всего одного и назначил двух русских полковников, по-видимому не связанных с какими-либо группировками при русском дворе или в гетманате. Во-вторых, Малороссийская коллегия сохранила своеобразие гетманата в одном важном отношении: она вывела этот регион за пределы системы местного самоуправления, учрежденной Петром для всех других губер-

³⁵ Горобець. Присмерк. С. 76–86.

³⁶ Gajesky, *Cossack Administration*, 1: 23, 74, 297; 2: 520. Клиенты Меншикова получили полковничьи должности лишь после смерти Петра. Василий Танский в 1726 г. получил под свое начало Переяславский полк, а Гаврило Милорадович получил в начале 1727 г., после смерти его брата Михаила, Гадяцкий полк. Gajesky, *Cossack Administration*, 1: 298, 360. Меншиков сумел сделать по-своему лишь после смерти Петра, а не после учреждения Малороссийской коллегии. Апостол стал клиентом Меншикова к 1726–1727 гг., но, вероятно, не ранее. См.: Б. Крупницький. Гетьман Данило Апостол і його доба. Авґсбург, 1948. С. 45–46.

ний империи (кроме Прибалтики) в 1719 г. Несомненно, благодаря Малороссийской коллегии гетманат оказался под юрисдикцией Сената, а ко власти в гетманате пришли русские чиновники, но речь отнюдь не шла о встраивании региона в общую систему российского местного самоуправления³⁷. С этим пришлось ждать до 1780-х гг. Малороссийская коллегия представляла собой шаг к централизации, но не к унификации.

Петр не стал повсюду подчинять местные автономии центральной власти, а в прибалтийских губерниях он даже расширил автономию по сравнению с последними десятилетиями шведского правления. В этом отношении он не отличался от западных абсолютистских правителей. В русской и украинской историографии существует идея о том, что западные абсолютисты были неустанными централизаторами, но на самом деле ситуация была сложнее. Даже во Франции местные юридические системы дожили до самой революции, как и местные собрания сословий в четырех главных провинциях. Разумеется, французские короли столетиями боролись за повсеместное установление королевской власти, но нарисованная Алексисом де Токвилем картина успешной централизации и единообразия, существовавшего до 1789 г., просто неверна, будучи порождением своеобразной идеологии Токвиля. Французские короли никогда не ставили своей целью тотальную централизацию и единообразие как вещи абсолютно нереалистичные. По сути французские монархи шли на компромиссы с местным дворянством, обычно сохраняя его полномочия в ответ на лояльность короне. То же самое можно сказать о Пруссии, Испании и менее значительных примерах абсолютизма. Ни один австрийский правитель не пытался достичь единообразия до Иосифа II в 1780 г., хотя его мать Мария Терезия, безусловно, старалась насаждать порядок в габсбургских владениях, страдавших от крайнего хаоса³⁸.

³⁷ М. М. Богословский. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. // Чтения. Ч. 3 (1902). С. 1–208. Ч. 4. С. 209–522. Приложение. С. 1–46; А. Б. Каменский. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 138.

³⁸ Alexis de Tocqueville, *L'ancien régime et la révolution* (Paris, 1856). О проблеме абсолютизма и административного единообразия см.: Bernard Barbiche, *Institutions de la monarchie française à l'époque moderne, XVIe — XVIIIe siècle* (Paris, 2001), 98–105; William Beik, *Absolutism and Society in Seventeenth-Century*

В политической мысли XVII и XVIII вв. не содержалось никаких требований полного единообразия либо централизации. Авторы политических сочинений, по традиции считающиеся «абсолютистами», защищали власть монарха, но отнюдь не всегда вдавались в административные вопросы. Более того, современные историки Западной Европы ставят под сомнение исключительное значение рационалистической политической мысли для абсолютистской теории — эклектичной идеологии, сохранявшей средневековые пережитки и обновившей религиозные концепции монархической власти³⁹. В любом случае, единственным западным политическим теоретиком, про которого историки могут определенно утверждать, что он был знаком Петру, является Самуэль Пуфендорф, юрист и теоретик естественного права. Пуфендорф в своих трудах, безусловно, исходит из принципа суверенной власти (*summum imperium*) государства, включая и абсолютную монархию, но не выводит из этого необходимость подавления местных автономий. В его истории Европы описывается, как испанские короли сами подорвали свою власть, пытаясь подавить местную автономию в Нидерландах, Португалии и Каталонии. Аналогичные взгляды выдвигались и в других европейских трудах, которые были известны в России⁴⁰. Одним из них был ныне забытый популярный

France: State Power and Provincial Aristocracy in Languedoc (Cambridge, 1985); James B. Collins, *Classes, Estates and Order in Early-Modern Brittany* (Cambridge; New York, 1994); idem, *The State in Early Modern France*, 2nd ed., Cambridge, 2009); Marie-Laure Legay, *États provinciaux dans la construction de l'état moderne aux XVIIe et XVIIIe siècles* (Geneva, 2001); Fanny Cosandey, Robert Descimon, *L'Absolutisme en France: Histoire et historiographie* (Paris, 2002), 113–36; Derek Beales, *Joseph II*, 2 vols. (Cambridge, 1987–2009), особ. vol. 1, chap. 1. О России см.: Isabel de Madariaga, *Russia in the Age of Catherine the Great* (New Haven, 1981), 277–325; John P. Le Donne, *Absolutism and Ruling Class: the Formation of the Russian Political Order, 1700–1825* (New York, 1991). См. также дискуссию более общего характера в: J. H. Elliott, “A Europe of Composite Monarchies,” *Past and Present* 137 (1992): 48–71.

³⁹ Дерек Билс не сумел найти среди литературы, которую читал Иосиф II в юные и последующие годы, каких-либо интеллектуальных источников, стоявших за его знаменитыми попытками урезать местную автономию: Beales, *Joseph II*, 1: 48–63, особ. 58 (об увлечении учителей Иосифа Пуфендорфом), и 2: 64–65. О Франции см.: Cosandey and Descimon, *L'Absolutisme*, 27–112.

⁴⁰ Samuel Pufendorf, *De officio hominem et civis juxta legem naturalem* (London, 1737), 430–38; idem, *On the Duty of Man and Citizen*, ed. James Tully (Cambridge, 1991), 139–41; idem, *Einleitung*, 100–102, 116–119; Пуфендорф. Введение. С. 52–54, 61–63; Alfred Dufour, “Fédéralisme et Raison d'état dans

трактат об обязанностях монарха, принадлежащий перу Диего де Сааведры Фахардо. Главной целью этой книги, использовавшей барочную символику для донесения своих уроков до читателя, было успешное сохранение королевской власти. Согласно Сааведре, гармоничное государство «устанавливает в каждой нации такой государственный строй, который наиболее созвучен и пригоден для природы каждой из них» (*Apud Nationes omnes eum instituit Reipublicae ordinem, qui naturae cujusque maxime conformis esset et consentaneus*). Далее он говорит, что государь должен помнить, что «королевство есть союз многих городов и людей, сообща согласившихся на властвование одного и подчинение остальных» (*Illud sciat Princeps Regnum nihil esse aliud, quam multarum civitatum populorumque quandam unionem, et consensionem communem in unius alicujus imperium et obedientiam aliorum*). Сааведра, что неудивительно для испанского чиновника, имел в виду составное государство и не видел в нем ничего неестественного. Проблема была в том, что от короля требовалось проявлять необходимое благоразумие. Сааведра не считался в Москве экзотическим автором. Его книгу перевел для Петра на русский Феофан Прокопович, а Андрей Матвеев цитировал ее в своей истории стрелецкого восстания 1682 г.⁴¹

Помимо этого, Горобец ссылается на камерализм как на одно из принципиальных побуждений, стоявших за учреждением петровских коллегий, следуя в этом отношении Класу Питерсону и некоторым русским историкам. Однако нет никаких указаний на то, что Петр или его окружение до 1722 г. были знакомы

la pensée politique pufendorffienne,” in *Samuel Pufendorf, filosofo del diritto e della politica: atti del convegno internazionale: Milano, 11–12 novembre 1994*, ed. Vanda Fiorillo (Naples, 1996), 107–38; Leonard Krieger, *The Politics of Discretion: Pufendorf and the Acceptance of Natural Law* (Chicago, 1965); Thomas Behme, *Samuel von Pufendorf: Naturrecht und Staat* (Göttingen, 1995), 131–65.

⁴¹ Diego de Saavedra Fajardo, *Idea principis Christiano-politici: 101 sijmbolisexpress* (Amsterdam, 1651), 521, 523; idem, *Idea de un principopolitico cristiano representada en cien empresas* (Munich, 1640), 317–18; Christian Romanoski, *Tacitus Emblematicus: Diego de Saavedra Fajardo und seine “Empresas Politicas”* (Berlin, 2006). Прокопович пользовался латинским переводом. Наставник царевича Алексея барон Генрих фон Гюйссен задавал ему переводить отрывки из Сааведры с латыни на французский: Пекарский. Наука и литература. Т. 1. С. 139, 214–215; С. И. Николаев. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996. С. 17. О цитировании Сааведры Матвеевым см. в: Bushkovitch, Peter, 440 n41.

с камералистской литературой. Какое-либо влияние со стороны камералистов шло исключительно через адаптацию шведских организационных моделей Генрихом Фиком. Камерализм, требующий от государства содействия экономическому развитию, пытался заменить средневековое государство-домохозяйство административной моделью, основанной на упорядоченной системе должностей с четко определенными и раздельными функциями; в случае России речь шла о замене старых приказов. При этом местная автономия никак не затрагивалась, даже косвенно. В Швеции камерализм начал оказывать влияние на управление государством в ту эпоху, когда никто не покушался на местные автономии. Указ 1661 г. о создании *Kanslikollegium* — учреждения, которому в целом подчинялись Ливония и другие «нешведские» регионы, — не предусматривал подавления прибалтийской автономии, и удар по местной автономии, нанесенный шведской короной после 1680 г., имел своей причиной иные принципы⁴². Камерализм неспособен объяснить учреждение Малороссийской коллегии, созданной, скорее всего, с целью ограничения местной автономии.

⁴² Горобець. Присмерк. С. 76; Анисимов. Государственные преобразования. С. 104–105; Каменский. От Петра I. С. 128–129; Claes Peterson, *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception* (Stockholm, 1979), 5–6, 114–115, где отмечается влияние работы Veit Ludwig von Seckendorf, *Der Teutsche Fürsten-Staat* (1656) на шведские казначейство и канцелярию. Очень осторожные доводы за влияние камерализма (или это был лишь параллелизм?) на шведский абсолютизм приводят в: Stellan Dahlgren, “Karl XI's envälde — kameralistisk absolutism?” in *Makt och vardag: hurmanstyrde, levde och tänkte und ersvenskstormaktstid: femton uppsatser*, ed. Stellan Dahlgren, Anders Florén, Åsa Karlsson (Stockholm, 1993), 115–32. Иную точку зрения на интеллектуальные корни шведского абсолютизма см. в: Günter Barudio, *Absolutismus, Zerstörung der libertären Verfassung: Studien zur karolinischen Eingewalt in Schweden zwischen 1680 und 1693*, *Frankfurter historische Abhandlungen* 13 (Wiesbaden, 1976). Единственной работой, найденной в библиотеках, каким-либо образом связанных с Петром, является Johann Joachim Becher, *Närrische Weisheit* (Frankfurt, 1683): Е. И. Боброва. Библиотека Петра I. Л., 1978. С. 109. Бехер, несомненно, был камералистом, но данная работа посвящена изобретениям и популяризации новых технологий, а не государственному управлению. Первые университетские должности по камералистским наукам были учреждены в Пруссии уже после смерти Петра: Jutta Brückner, *Staatswissenschaftler, Kameralismus und Naturrecht: Ein Beitrag zur Geschichte der Politischen Wissenschaft im Deutschland des späten 17. und frühen 18. Jahrhundert* (Munich, 1977).

Если ни европейская политическая теория, ни камерализм, ни даже внутрироссийские тенденции не в состоянии объяснить участь гетманата в правление Петра, то ответы следует искать в сфере конкретных взаимоотношений между царем и гетманом. Одним из важнейших элементов в этом сюжете была простая случайность: в 1708 г. Мазепа неверно оценил военную ситуацию и счел, что Петр проигрывает войну. Это решение стало самым настоящим потрясением для Петра и русской элиты, уже более столетия служащим предметом исторических дискуссий. После этих событий отношение Петра к гетманату начало меняться. Впрочем, действия Мазепы, вероятно, не имели бы таких долгосрочных последствий, если бы не сказались иные факторы. Петр и русская элита вообще с явным неудовольствием взирали на беспорядок, царивший, как им казалось, в гетманате. Гетманская власть казалась им слабой, неэффективной и неспособной пресечь бесконечные притеснения низших сословий и низшей старшины со стороны олигархической казачьей элиты. Это отношение очень четко просматривается в письме Шереметева 1713 г., тем более что Шереметев гораздо сочувственнее относился к гетманату и к Скоропадскому в частности, чем Протасьев. Петр тоже сетовал на «измену» в гетманате, но историкам следует проявлять осторожность и не понимать встречающееся в русских документах понятие «измена» в современном смысле. Петр использовал это слово в отношении Мазепы в том же смысле, в каком его используем мы, хотя та измена, которую он осуждал, являлась изменой лично ему как повелителю, а не абстрактному «государству». Кроме того, Петр, а также, вероятно, и Протасьев с Шереметевым, понимали под изменой и нечто иное: недостаточное рвение на царской службе. В 1698 г., вернувшись из Европы, царь отчитывал русских бояр за их бесконечные перебранки и торги за власть, называя все это предательством. Измена в его глазах означала, что бояре ставили свое взаимное соперничество выше служения царю. Аналогичным образом, в своем указе 1718 г., адресованном сенату, Петр приравнивал к измене неспособность выполнять законы⁴³. Иными словами, гетманат воплощал в себе те же вызывавшие ненависть Петра грехи политического и социального строя в России, которую он пытался преобразовать.

⁴³ Bushkovitch, *Peter*, 210; Павленко. Петр Великий. С. 476, где цитируется Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. М., 1945. С. 290.

Другим важным моментом служило то, что гетманат был казачьим государством. Его участь в значительной степени зависела от ценности казачьих сил для русской армии, а эта ценность снизилась за годы правления Петра. Регулярная кавалерия Петра состояла только из драгун, сплошь и рядом действовавших в качестве конной пехоты, а не подлинной кавалерии⁴⁴. Русская армия в ходе борьбы с европейскими противниками нуждалась более всего в тяжелой кавалерии, которую было трудно организовать в России с ее более мелкими лошадьми. Казаки по-прежнему могли с известным успехом действовать против татар и турок, а также в качестве легкой кавалерии, но они уже не играли такой же важной роли, что и в XVII в. Помимо снижения своего военного значения, казачество служило средоточьем социального и политического брожения — не только в гетманате, но и на Дону и в других местах. Петр в 1709 г. отнюдь не случайно наказывал Измайлову присматривать не только за украинскими, но и за донскими казаками⁴⁵. Наконец, как подчеркивал Зенон Когут, казачья старшина представляла собой формирующееся дворянство. В долгосрочном плане притязания на дворянство означали, что представителям казачества будет достаточно легко интегрироваться в дворянство империи, но в эпоху Петра речь все еще шла о казачьем дворянстве со всеми чертами, характерными для казаков: ненадежным, непостоянным, склонным к мятежам⁴⁶.

⁴⁴ О драгунах в петровской армии см.: Donald Ostrowski, "Peter's Dragoons: How the Russians Won at Poltava," in Serhii Plokhly, *Poltava 1709: The Battle and the Myth*, Harvard Papers in Ukrainian Studies (Cambridge, Massachusetts, 2012), 81–106.

⁴⁵ Письма и бумаги. Т. 9. Ч. 1. С. 313–324. О казаках и кавалерии см.: Brian Boeck, *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great* (Cambridge, 2009); Bruce W. Menning, "The Imperial Russian Army, 1725–1796," in *The Military History of Tsarist Russia*, ed. Frederick W. Kagan and Robin Higham (Houndmills, Eng., 2002), 49, 65–68; А. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.

⁴⁶ Kohut, *Russian Centralism*, 30–32. Петр сделал вывод о ненадежности казачьей старшины во время персидской кампании 1722 г.: *Горобець*. Присмерк. С. 209. Аристократ Федор Салтыков в 1714 г. полагал, что гетману нужен кавалерийский полк из русских дворян, поскольку те не столь склонны к мятежам и измене. Он не считал русских более лояльными по своей природе; его аргументация носила классовый характер: Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета, 42 (1897). Проекты. С. 18.

Северная война стала катастрофой для гетманата как для автономного политического образования в рамках русского государства. Мазепа, предпочтя Петру Карла, навсегда заронил в сознание царя подозрения, отразившиеся в назначении им русского чиновника, чтобы тот находился при гетмане Скоропадском, докладывал о состоянии местных дел и отчасти принимал в них участие. Произошедшее в 1722 г. учреждение Малороссийской коллегии, будучи одной из целого ряда предпринятых в том году мер, привело к ликвидации гетманской должности и к тому, что этот регион впервые оказался подчинен русским должностным лицам. Малороссийская коллегия просуществовала только до 1727 г., и прошло еще шестьдесят лет — два с лишним поколения, — прежде чем гетманат окончательно перестал существовать. Ситуация к тому времени изменилась: старшина превратилась более-менее в дворянство и желала подтверждения своего статуса в рамках империи. Екатерина, стремясь к введению единообразного управления, воспользовалась этим желанием с тем, чтобы положить конец полуторавековой автономии. Ее сын Павел восстановил лишь фрагменты этой автономии (в противоположность прибалтийским губерниям), а ее внук Александр I покончил даже с этим. Однако Петр не был принципиальным централистом. Учреждая более тесный контроль над гетманатом, в то же время он восстановил привилегии балтийского дворянства и городов, утраченные в последние годы шведской власти. С тем, чтобы модернизировать Россию и повысить ее мощь, Петр нуждался в порядке, а система местной автономии в прибалтийских губерниях обеспечивала ему этот порядок. К несчастью для гетманата, Петру казалось, что его политическая структура лишь увековечивала беспорядок, который он видел в старой российской системе, и вдобавок несла в себе угрозу нелояльности. Соответственно, если в прибалтийских губерниях произошло возрождение местной автономии, то в гетманате она подверглась первым серьезным ограничениям.

Перевод Николая Эдельмана

В 1767 г. генерал-губернатор Петр Румянцев сетовал Екатерине на то, что вождь автономистов Иван Скоропадский (внучатый племянник гетмана) оставался «казакom по своей истинной природе», невзирая на все его заграничное образование и путешествия. Отметим, что Румянцев называл его «казакom», а не «малороссom»: Kohut, *Russian Centralism*, 171.